

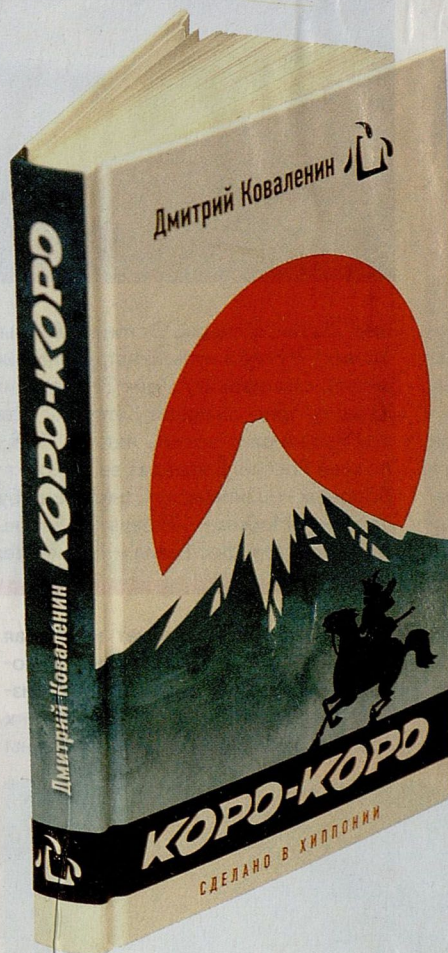
Живите в Японии

Дмитрий Коваленин заново открывает Страну восходящей иены

Кирилл Решетников

*«Терпение —
это сердце меча,
ждущего в ножнах
до последней секунды»*

«Сэнсэй Тёго Танака, 8-й дан каратэ, Главный куратор школы Сётокай в России, унаследовал этот древний коан от друга семьи — безымянного дипломата, подготовившего капитуляцию Японии в 1945 году, — и подарил его мне на прощанье в Калуге полвека спустя». Так заканчивается этот сборник, носящий экзотическое название «Коро-коро» и изобилующий подобными, а также совсем другими эпизодами, которые складываются в пеструю асимметричную мозаику. Это книга о Японии — и не совсем о ней. Имя автора знакомо далеко не всем, но можно быть уверенным: отношение к нему сразу переменится, если сказать, что Дмитрий Коваленин — тот, кому мы обязаны знакомством с книгами Харуки Мураками. Уже по переводам с японского, благодаря которым русский читатель узнал и полюбил автора «Охоты на овец», было видно, что Коваленин, собственно говоря, писатель или по крайней мере человек с небезосновательными писательскими амбициями. И вот свершилось: переводчик выпустил том короткой прозы. Его название — это целый

отдельный сюжет. «Коро-коро кавару» по-японски значит «меняться, как флюгер на ветру», само «коро-коро» означает «кубарем» или «кувырком», а слово «кокоро», которое Коваленин связывает с этим выражением, вмещает в себя такие понятия, как душа, сердце, чувство, мысль, а также сущность, смысл и разгадка. В общем, кокоро — это все самое главное в жизни. Такие же извилистые пути выбирает и перо Коваленина, как будто бы вознамерившегося передать словами краски старых японских миниатюр, но вновь и вновь возвращающегося к чисто русской ностальгии. Роль зачина отведена небольшой автобиографической повести, выразительно названной «Сила труп». Ее герой — молодой Митя-сан, филолог-японист из Владивостока, перебравшийся в начале 1990-х в Японию и служащий в порту Ниигата, где ему чего только не приходится делать, в том числе и разбираться в перипетиях вокруг тела безвременно почившего бирманского боцмана. За пестрыми — то дневниковыми, то философскими, то притчевыми — зарисовками под общим названием «Песни для Марглы» следует по-фанатски бережная хроника японских гастролей Бориса Гребенщикова, а также житейско-публицистические «Письма из Хиппонии». Прочтя все это, можно сделать простой вывод: перевод японской литературы явно пошел Коваленину на пользу. А может быть, наоборот — природный слог Коваленина пошел на пользу японской литературе в ее русском варианте? Кто же теперь разберет.